

Движение русской общественной мысли в начале XIX в.

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.
OCR Бычков М. Н.

Во время своей либеральной молодости Карамзин не имел никаких твердых политических убеждений, как это довольно обстоятельно доказывает г. Пыпин в своей книге; его либерализм ограничивался фразой, и даже в это время "великий" историограф был пламенным адвокатом крепостничества¹. Деист, космополит, поклонник европейской цивилизации, "республиканец по чувствам"², глава литературной партии, боровшейся со славянофильскою лигою Шишкова, Карамзин бросил все эти завиральные идеи, когда увидел, что играть ими небезопасно, как для себя, так и для тех традиций, на защиту которых влекли его и личные расчеты, и сословные тенденции. Нравственная личность этого человека далеко не так привлекательна, как ее до сих пор рисуют его поклонники. Стоит только прочесть его переписку, и вы увидите, как этот слезоточивый автор "Бедной Лизы" с грубым равнодушием торгует и меняется своими крепостными людьми, вы увидите, сколько угодливости и искренности в этом человеке, который говорил: "я презираю современных либералов; я люблю только ту свободу, которой не может отнять у меня никакой тиран"³. Стараясь поставить себя выше всех партий, Карамзин был оракулом самой отсталой партии; уличая других в неискренности, он был гораздо менее искренним, чем его противники, уже по одному тому, что одним из главных мотивов его консервативной пропаганды было охранение крепостного права. "Аристократы, демократы, либералисты, сервилисты! -- восклицает он. -- чего вы хотите? Кто из вас может похвалиться искренностью?.. Аристократы, сервилисты хотят старого порядка, ибо он для них выгоден, демократы, либералисты хотят нового беспорядка, ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод"⁴. После этого оставалось думать, что только защитники крепостного права совершенно бескорыстны и искренни и не имеют в виду никаких личных выгод!..

Чего желала, что думала и к чему стремилась консервативная масса, об этом может дать понятие "Записка о старой и новой России", которая была в 1811 г. представлена Карамзиным императору и которую панегиристы историографа до сих пор считают "важнейшим государственным сочинением"⁵. В этой Записке прежде всего поражает вас недостаток той правдивости и искренности, за который Карамзин упрекал всех своих противников. Для доказательства своей мысли "великий" историограф не останавливается ни перед чем. Он говорит, напр<имер>, что "в конце X века европейская Россия была уже не менее нынешней"; что в половине XI столетия она была "не только обширным, но и самым образованным государством"; что народ был вполне доволен московскими порядками; что "библиотеки царская и митрополитская могли быть предметом зависти для иных европейцев" и т. д. Вооружаясь против намерения составить гражданский кодекс, Карамзин зарепортовывается окончательно и утверждает, что "*гражданских прав не было и нет в России*. У нас есть только *политические* или особенные права разных государственных состояний; у нас дворяне, купцы, мещане, земледельцы и проч., все они имеют свои особенные права, общего нет, кроме названия русских". Подобные нелепости и вопиющие противоречия, в которых постоянно путается Карамзин, человек, без сомнения, умный и образованный, можно "объяснить только одним движением раздраженной страсти", как выражается барон Корф⁶, страсти, в припадке которой была составлена Записка.

Целью Записки было доказать, что все реформы в европейском духе приносят России один вред и что для полного ее благоденствия ей необходимы только "патриархальная власть" да "добродетель". Читатель, конечно, понимает, какими "гражданскими добродетелями" восторгается Карамзин в русском и особенно в древнерусском народе... Это "добродетель" азиатской косности и патриотического тщеславия. "*Имя русского*, -- говорит Карамзин, -- имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, даже в царствование Михаила и сына его, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а святая Русь -- первое государство. Пусть назовут то *заблуждением*, но как оно благоприятствовало любви к отечеству и нравственной силе его! Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли мы похвалиться своим гражданским достоинством? Некогда называли мы всех иных европейцев *неверными*, теперь называем *братьями*; спрашиваю, кому легче покорить Россию -- неверным или братьям, т. е. кому